

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-43

Зверев, Сергей Иванович.

3-43 Мятажный перевал / Сергей Зверев. —
Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-205675-8

В одном из районов Сирии свирепствует банда. Боевики убивают мирных жителей, грабят колонны с грузами, наводят страх на местные власти. Специальное подразделение сирийской армии не в силах справиться с распоясавшимися головорезами: обо всех планах военных немедленно становится известно главарю банды. По просьбе сирийцев в мятежный район под видом врачей прибывает группа спецназа ГРУ лейтенанта Дениса Кудрявцева. Бойцы выясняют, что база моджахедов находится в одной из близлежащих пещер. Уничтожить ее — дело техники. У Кудрявцева уже готов план. Но в нем не учтено одно — у бандитов везде свои глаза и уши...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Зверев С.И., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-205675-8

ГЛАВА 1

Этот сирийский поселок назывался Шахик. Если кому-то захотелось бы перевести название на русский язык, то в этом случае поселок именовался бы так — Высокий. Почему именно таково было его название? Да кто же знает, почему? Шахик и Шахик. Может, потому что часть поселка располагалась на пригорке, а может, оттого, что в поселке имелась мечеть с высоким минаретом, и этот минарет видно было издалека, так что все, кто желал добраться до поселка, ориентировались именно по минарету. Еще не было видно никаких построек, а верхушка минарета уже была видна издалека, и в ее сторону и устремлялся усталый путник. Кто знает, отчего и каким образом возникают названия поселков, гор, рек и прочих местностей?

Находился поселок посреди выжженной солнцем местности. Нет, это была не пустыня, а, скорее, полупустыня, потому что и в самом поселке,

и в его окрестностях росла трава, тут и там виднелись кустарники и даже высокие деревья с колючими жесткими листьями. Понятно, что ни трава, ни кустарники, ни деревья не могли расти без воды и уж тем более без воды не могли обходиться люди и всяческая живность. Была в поселке и близ его и вода — несколько неиссякаемых родников. Хотя что значит — неиссякаемых? Во время зноя большая часть родников пересыхала почти полностью, лишь тоненькие струйки пробивались из-под земли, они-то и поддерживали жизнь в поселке.

Нелегкой и суровой жизнью жили здесь люди. Но они привыкли и не жаловались. Во-первых, такой же жизнью жили их деды и прадеды, а во-вторых — куда было податься из здешних не слишком-то ласковых мест? В каких краях находятся лучшие места? Может, их и вовсе нигде нет — каких-то особо благодатных мест, а если даже они и есть, то, наверно, давным-давно уже заняты кем-то другим... Одним словом, привыкли обитатели поселка к своим домам и своим окрестностям, а что такое — привычка? Если ты привыкаешь к какому-нибудь месту, если ты с ним срастаешься, в нем укореняешься, то это означает, что тебе здесь хорошо. Так хорошо, что никаких других мест тебе и не надобно.

И все бы ничего, и жили бы люди в поселке своей привычной, размеренной жизнью, радова-

лись бы своим маленьким радостям и горевали бы над своими горестями, надеясь, что горести закончатся и после них опять наступят радостные дни — если бы не война. Да, война...

Никто в поселке доподлинно не знал, по каким причинам война возникла, что надо тем, кто ее развязал, чего они добиваются, из каких неведомых краев вдруг возникли чужеземцы с их непонятной речью и грозным оружием, что им надо здесь, в Сирии, куда подевалась местная власть... А местная власть сразу же исчезла, как только на дороге, огибающей поселок, появились чужие люди. Да оно бы и ничего, жители поселка вполне могли бы обойтись и без местной власти, но кто-то же должен их защищать от чужеземцев! Но защищать их было некому.

Несколько раз чужие люди на своих страшных машинах заворачивали в поселок. Трогать они никого не трогали, лишь спросили, где можно разжиться водой. Когда они отбыли, по поселку разнесся слух, что это были американские солдаты. Вот как — американские! Никому в поселке не было понятно, что понадобилось американским солдатам на сирийской земле. Где Америка, а где Сирия! Америка — она, говорят, на другом конце земли. А значит, так далеко, что дальше уже и не бывает! Так что же понадобилось американским

солдатам в поселке Шахик? Было непонятно, а оттого смутно и тревожно...

Спустя некоторое время в поселок завернули другие солдаты. Они были очень похожи на прежних, американских, солдат, но в то же время чем-то от них и отличались. Отличия эти были трудноуловимыми, а оттого и необъяснимыми, но все же разница чувствовалась. И эта разница была в пользу новых пришельцев. Интуитивно и неосознанно им хотелось доверять — между тем как прежние пришельцы обитателей поселка так же неосознанно и интуитивно пугали. Пополнив запасы воды, солдаты, сверкая зубами на покрытых загаром и закопченных лицах, что-то принялись говорить жителям и делать какие-то непонятные знаки руками. Потом, видя, что их не понимают и опасаются, солдаты, все так же улыбаясь, принялись выгружать из большого автомобиля какие-то ящики и свертки и складывать их прямо на землю в аккуратные штабеля. Видя, что местные обитатели по-прежнему не двигаются и, кажется, не понимают, в чем дело, двое солдат распаковали несколько ящиков и показали местным жителям, что в них находится. А находились там продукты: крупа, макароны, консервы, чай, еще что-то съедобное... Все это солдаты принялись совать в руки местным жителям, попутно что-то объясняя словами и жестами. В конце

концов жители поняли, что все это добро солдаты отдают им в обмен на воду и вообще — в обмен на их гостеприимство.

С тем белозубые солдаты и уехали. Жители поселка какое-то время молча смотрели на оставленные подарки, а потом осторожно и с недоверием, будто опасаясь подвоха, принялись их рассматривать, а затем и делить между собой. Продукты были неоспоримой ценностью, потому что тяжело они доставались здешним жителям, а коль так, то спасибо вам, добрые люди, кем бы вы ни были. Сразу же стали ходить слухи, что эти веселые ребята, столь щедро заплатившие жителям поселка за воду, — русские солдаты. Вот так — русские солдаты! Которые в лучшую и выгодную сторону отличаются от американских солдат. Те ничего не оставили взамен воды, а эти рассчитались щедро и искренне, хотя никто и не требовал от них никакой платы. А отсюда следовал простой вывод. Те, кто говорит тебе слова благодарности, лучше тех, кто не говорит таких слов. Что ж, учтем и запомним, чем русские отличаются от американцев...

Через какое-то время в поселок прибыли еще какие-то вооруженные люди. Впрочем, их жители признали сразу же. Это были свои, сирийские, солдаты. Они собрали всех жителей поселка и объявили им, что отныне поселок и его жители находятся

под охраной правительственных сирийских войск. «А что, война уже закончилась?» — спросили жители. На это солдаты ответили, что война пока не закончилась, она продолжается, но жителям беспокоиться не о чем, так как они находятся под надежной защитой сирийской власти.

С тем сирийские солдаты и отбыли.

ГЛАВА 2

Но, видать, сирийские солдаты, обещая жителям поселка Шахик мир и спокойствие, чего-то не учли. Или по каким-то причинам не смогли выполнить свое обещание, потому что через месяц в поселке появились новые гости. Это были неожиданные, непонятные, страшные и жесткие люди, и они разительно отличались и от сирийских солдат, и от американских, и тем более от русских.

Впрочем, вначале эти страшные люди появились в соседнем поселке — Собир. И, конечно же, слухи об их появлении тотчас же распространились по всем сирийским окрестностям, и это были очень неприятные и страшные слухи. Вот как это все случилось.

В Собир эти люди прибыли после полуночи. Конечно же, не пешком, а на автомобилях. Их бы-

ло много — и автомобилей, и людей в них. Автомобили пронзали тьму острым, безжалостным светом фар, у людей, сидящих в них, были громкие злые голоса. А еще эти люди то и дело стреляли, и было непонятно, зачем и в кого именно они стреляют. Огненные полосы автоматных очередей со страшным визгом уносились в ночное пространство. Прибывшие люди разбудили всех жителей Собира и согнали их на центральную площадь. Те, прижимаясь друг к другу, стояли на площади, а вокруг них стояли машины с зажженными фарами, а в тех машинах и рядом с ними — другие люди, неизвестные и страшные. Перед напуганными жителями выступил какой-то человек. Он сказал, что его зовут Эсвад Башир и отныне он и его люди — истинная власть в поселке. И уточнил: именно он — власть, а не сирийские солдаты, не американцы и не русские. А потому все в поселке должны беспрекословно ему и его людям подчиняться. Непослушание ему и его людям приравнивается к непослушанию Аллаху. Всем известно, что ожидает того, кто идет против воли Аллаха: его ожидает смерть. Не стоит преступившим волю Аллаха испытывать судьбу и умолять Эсвада Башира о пощаде — Аллах не терпит тех, кто хочет идти против его воли.

После этого в поселке начался грабеж. Злые люди врывались в дома, забирали все, что хотели,

а тех, кто осмелился встать на защиту своего добра, жестоко избивали, а нескольких убили. С наступлением рассвета они отбыли из поселка, пообещав, что в любой момент вернуться.

Помимо Собира, тот же самый Эсвад Башир, по слухам, побывал и в других поселениях. В них он говорил жителям те же самые слова, а его люди так же грабили и расправлялись с теми, кто пытался не пустить их в свои жилища.

А самое-то страшное — после себя эти люди оставили небольшие картонные прямоугольники, на которых была изображена оскаленная морда каракала и два слова — «неуловимые каракалы». Так, мол, эти люди называют сами себя и велят, чтобы и все прочие называли их так же.

Вот такие это были слухи, и им приходилось верить. Обитатели сирийских полупустынь — люди, знающие цену слову, и потому ничего напрасного, а тем более вымышленного говорить не станут. Пришла беда, и она не сегодня так завтра нагрянет и в Шахик. Быть того не может, чтобы не нагрянула, потому что Шахик ничем не отличается от других поселений. Значит, следует ожидать этого Эсвада Башира вместе с его людьми, кем бы они ни были, если не нынешней ночью, так следующей...

По этому поводу все мужское население Шахика собралось на местной базарной площади, что-

бы посоветоваться и принять какое-то решение. Женщины в совещании не участвовали, потому что защищать свои хижины — дело мужчин.

Совещание не дало никаких внятных результатов. И все из-за того, что на нем не было принято никакого конкретного решения. Одни предлагали немедленно организовать отряд самообороны. Другие на это возражали: какой, мол, отряд самообороны, чем обороняться? Старыми охотничьими ружьями? Кольями и камнями? У этих «каракалов» — автоматы и пулеметы, и к ним — много патронов. Те, кто проживает в Соби́ре, так и сказали...

Третьи предлагали немедленно отправить посыльных за помощью. Но тут сам собой возникал вопрос — у кого просить помощи? У сирийских властей? Ну, так они, должно быть, уже и сами знают об Эсваде Башире и его людях. А коль знают, то должны предпринимать против них какие-то действия — на то она и власть. К тому же вдруг может случиться такое, что эти самые «каракалы» и есть настоящая власть? Какая-то новая, пугающая, неправильная, но власть? А тогда у кого просить защиты? Может, у русских? Ну, так где они, те русские? Где их искать? Может, их уже и вовсе нет в Сирии. Может, они уже отбыли домой, в Россию...

В итоге решили ни к кому за помощью не обращаться и никакого отряда самообороны не создавать. А вдруг эти самые «каракалы» не завернут в Шахик? Вдруг обойдут его стороной? Вдруг попадутся в какие-то другие места? Сирия — она большая... Словом, подождем, может быть, беда и минует.

Но не минула беда поселок Шахик и его обитателей. «Неуловимые каракалы» вскоре нагрянули и к ним. Случилось это ночью, как и во всех других поселениях. Люди, утомленные ежедневными заботами, уже спали. Разбудил их громкий и резкий звук моторов. Звук, казалось, раздавался со всех сторон. Впрочем, так оно и было — «каракалы» окружили поселок. В бархатисто-непроницаемой темноте южной ночи заплескали лучи фар.

В ветхие двери жилищ загрохотали удары — это ночные гости будили жителей и сгоняли их на базарную площадь. Не всех, впрочем, жителей, а лишь мужчин — женщинам и детям велено было оставаться дома. Тревожно между собой переговариваясь, мужчины потянулись к указанному месту. Они еще не знали, кто именно вломился в их поселок, но, однако же, за непрошеными визитерами чувствовалась сила, и это была грубая сила, которой волей или неволей приходилось подчиняться.

Судя по всему, базарная площадь была окружена автомашинами и людьми. Резкие лучи света

пронзали тьму со всех сторон и сходились в одном месте — в центре базарной площади, на которой толпились испуганные и недоумевающие люди. Отовсюду слышалось низкое и надсадное рычание моторов и грубые мужские голоса. Говорили на арабском языке, и при желании можно было угадать, о чем говорят, но трудно было вслушиваться в смысл слов, звучавших из темноты, когда тебя подняли с постели и велели немедленно отправляться на базарную площадь. Это страшно, а страх всегда мешает правильно понимать смысл сказанных слов, особенно если слова звучат из темноты, а говорящих не видно.

Неожиданно рев моторов утих, смолкли и голоса. Наступила тишина, которая для собравшихся на ночной базарной площади людей была еще страшнее, чем человеческая речь и рычание машин. Испуганные люди сбились в кучу. Никто не знал, что последует вслед за неожиданным безмолвием.

Впрочем, ничего погибельного не случилось. Неожиданно из темноты раздался голос. Это был громкий, грубый и властный мужской голос. Говорящего видно не было, а потому казалось, что голос звучит сразу со всех сторон. Слова были понятными, тот, кто их произносил, говорил на знакомом жителям поселка наречии.

— Я — Эсвад Башир! — сказал голос из темноты. — Я и мои люди — ваши защитники. Мы — власть. Единственная правильная власть во всей Сирии! Никто вас не защитит, кроме нас: ни те, кто называет себя правительством Сирии, ни американцы, ни русские. Только мы! Нас много, мы — сила. У нас оружие. Вы должны слушать нас и подчиняться нам. Вы не должны сопротивляться нам. Вы должны выполнять все наши требования. И тогда вы будете жить мирной, спокойной жизнью. Тогда никто не причинит вам зла: ни те, кто называет себя законной властью, ни американцы, ни русские. Всякий, кто захочет оказать нам сопротивление, будет убит, потому что тот, кто выступает против нас — он выступает против Сирии и всего сирийского народа. Вам все понятно? Я Эсвад Башир, и со мной мои люди. Мы называем себя «неуловимыми каракалами». Почему мы так себя называем? Потому что мы похожи на этих зверей. Мы такие же злобные и беспощадные, как они. Нет, не к вам, а к нашим врагам. Так что не становитесь нашими врагами. Потому что мы расправимся с вами так же, как расправляются со своими жертвами настоящие каракалы.

Голос умолк. Какое-то время лишь всеобъемлющая тишина витала над ночной базарной пло-

щадью. И неизвестно было, что последует за этой тишиной — добро или, может быть, зло. Впрочем, жители поселка больше ожидали зла, чем добра. Логика такого ожидания была проста: тот, кто называет себя каракалом, не может быть добрым. Люди прекрасно знали повадки и нрав этого зверя...

— Нам нужна ваша помощь, — вновь зазвучал голос из темноты. — Деньги, еда — все это поможет нам защищать вас от врагов. Если у кого-то есть транспорт — джип или грузовик — отдайте их нам. Ничего не жалейте! Мы ваши защитники. Мы охраняем ваш покой. Мы принесли мир в ваши дома.

После этих слов по толпе пробежал ропот — будто бы вдруг из темноты подул ветер и затронул верхушки деревьев. Лишиться еды и денег, когда в стране идет война, — ничего страшнее этого и быть не могло. Это было, во-первых. А во-вторых, какие же это защитники, если они требуют от людей все, что у них есть, обрекая, таким образом, на муки, голод и смерть? Так истинные защитники не поступают, так делают самые настоящие разбойники!

— Вы недовольны? — произнес голос из темноты. — Вы не хотите нам помогать добровольно? Что ж, тогда мы возьмем все, что нам надо, силой. Мы ваши защитники, и мы имеем на это право.

А тот, кто встанет нам поперек пути, того мы убьем. Да, убьем! В стране идет война, а война — это смерть. И в первую очередь это смерть для предателей. Тот, кто не желает отдать нам добровольно все, что мы просим, тот предатель страны и народа и его следует убить. Я ясно выразился? Я — Эсвад Башир, и я не говорю напрасных слов.

Тот, кто называл себя Эсвадом Баширом, опять умолк. Всем было понятно, что он выжидает. Он ожидал, что скажут согнанные на ночную базарную площадь люди, как они себя поведут. Если они станут протестовать, то... Никто из жителей поселка в доподлинности не знал, что конкретно может последовать за этим «то», но все понимали, что ничего хорошего. Может быть, и впрямь смерть...

— Вот и хорошо. — Показалось, что в голосе невидимого человека, назвавшегося Эсвадом Баширом, прозвучала усмешка. — Мы «неуловимые каракалы», и мы рады, что нашли с вами общий язык, и что нам не придется никого убивать. Значит, сделаем так. Сейчас мои «каракалы» вместе с вами отправятся по вашим домам. И вы отдадите им все, что они потребуют. Повторяю: все, что они потребуют! Добровольно. Безропотно. В этом случае мы не тронем ни вас самих, ни ваших жен с детьми, ни ваш поселок. Это честная сделка между нами и вами. Мы — «неуловимые каракалы», и мы знаем, что такое вопрос чести.

Сразу же после этих слов из темноты стали возникать люди. Все они были вооружены. Они подходили к жителям поселка, каждого из них отделяли от толпы и уводили с собой. Точнее сказать, это жители уводили их собой. Они уводили их к своим жилищам, чтобы отдать то небольшое добро, которое хранилось в домах. Еду, деньги, джип или грузовик, если они в хозяйстве имелись, еще что-нибудь, на что обратит внимание тот, кто называл себя «неуловимым каракалом»...

* * *

Среди прочих жителей поселка был и человек по имени Аббас. Понятно, что и он также присутствовал на ночной базарной площади — куда ему было деваться? И к нему также подошли «каракалы», когда из темноты отзвучали речи их предводителя Эсвада Башира.

— Пойдем! — коротко велел Аббасу один из подошедших. — Веди нас в свой дом! Да гляди не обмани! Мы не любим тех, кто нас обманывает!

Конечно, такие слова Аббасу не понравились, но что ему оставалось делать? Скрепя сердце и мысленно призывая на помощь Аллаха, он повел двух разбойников в свой дом. Пришли. Ни жена Аббаса, ни его трое детей, ни старуха-мать — никто, разу-

меется, не спал. Все с напряженным страхом всматривались и вслушивались в ночную тьму. И все разом вздрогнули, когда из тьмы слышались чьи-то шаги. Всем было понятно, что это шаги недобрых людей, которые несли горе.

— Зажгите свет! — раздался из темноты голос Аббаса.

В поселке было электричество. После слов Аббаса в доме зажегся свет. Жена, дети и старуха-мать разом охнули, когда увидели рядом с Аббасом двух незнакомцев с оружием.

— Молчите, — поморщился Аббас и взглянул на непрощенных гостей: — Ну, так что вам надо?

— Ты знаешь, — ответил один из «каракалов».

Аббас вздохнул и глянул вначале на жену, затем — на детей, затем — на старуху-мать. Ничего никому не говоря, он подошел к висевшему на стене деревянному шкафчику, открыл дверцы и вынул оттуда небольшой бумажный сверток. Он развернул бумагу — в свертке были деньги. Совсем немного — с десяток купюр мелкого достоинства.

— Вот, — сказал он, протягивая деньги «каракалам». — Берите, если они вам так нужны...

Один из разбойников хмыкнул, взял деньги, пересчитал их.

— Это все? — спросил он, взглянув на Аббаса.

— Все, — ответил Аббас.

— А если поискать? — нахмурился разбойник.

— Ищите, — равнодушно произнес Аббас. — Что найдете, то — ваше.

«Каракал» отсчитал несколько купюр и швырнул их на пол.

— Это вам на жизнь, — сказал он. — Мы честные люди, мы последнее не берем.

Остальные деньги разбойник сунул себе в карман. Аббас молча нагнулся и поднял брошенные на пол купюры. Тем временем другой разбойник, никому ничего не говоря, принялся за обыск. Вначале он порылся в подвесном шкафчике, ничего там не нашел, брезгливо морщась, перевернул кровать, даже для чего-то заглянул в посуду, частью развешенную на стене, а частью расставленную у очага.

— Что ж так бедно живешь? — спросил он, взглянув на хозяина дома.

Аббас на это ничего не ответил.

— А может, я не там искал? — прищурился разбойник. — Может, ты спрятал деньги в каком-то другом месте? Или, может, их спрятала твоя жена? Например, у себя под одеждой? А что, если я их там найду?

И «каракал» сделал несколько шагов к испуганной женщине, явно намереваясь ее обыскать. Это было неслыханным нарушением древних арабских традиций и обычаев. Никто из мужчин не смел

прикасаться к замужней женщине, кроме ее мужа. Ни у кого испокон веков не было такого права. «Каракал» был сирийцем, и он, разумеется, знал обычаи. И тем не менее он намеревался грубо дотронуться до чужой женщины, больше того — залезть ей под одежду. Женщина испуганно вскрикнула и взглянула на мужа. Аббас сжал зубы и встал между женщиной и разбойником. Рядом с ним встала также и старуха-мать.

— Ни шагу больше! — грозно произнес Аббас, с ненавистью глядя на «каракала». — Иначе я вцеплюсь зубами в твоё горло!

Разбойник что-то хотел сказать или, может, произвести какие-то действия, но второй «каракал» взял его за плечо.

— Оставь, — сказал он. — Иначе на нас поднимется весь поселок. Все поселения в округе! С кольями и камнями! И виноват в этом будешь ты. А ты знаешь, как наказывает виновных Эсвад Башир...

Первый «каракал» ничего на это не сказал, лишь отступил на три шага.

— Никто твою жену не тронет, — сказал Аббасу второй разбойник. — Показывай, где у тебя еда.

Аббас молча указал на боковую комнатку. Там хранились небольшие запасы муки, зерна и вяленого мяса. Оба «каракала» взглянули на эти скромные запасы, и оба скептически хмыкнули.

— Это все? — спросил один из них. — Немного... Плохой ты хозяин, раз у тебя так мало еды.

— После вас ее будет еще меньше! — буркнул Аббас и отвернулся. — Может, совсем ничего не останется!

— Ты что же, нам угрожаешь? — нахмурился один из «каракалов».

— Я говорю правду! — ответил Аббас. Отчаяние добавило ему решимости.

— Все мы не заберем! — ухмыльнулся «каракал». — Половину оставим. Так что с голоду не помрешь. Ничего, добудешь еще, Аллах поможет! — Он помолчал и добавил: — Но все равно это несправедливо. Разве так нужно благодарить своих защитников?

— Могу еще снять с себя одежду! — резко ответил Аббас. — Хочешь?

— Не хочу, — миролюбиво ответил разбойник. — Сделаем по-другому — ты отработаешь долг перед нами. Так будет справедливо.

— И что же за работа? — нахмурился Аббас.

— Хорошая работа, — усмехнулся «каракал». — Не перетрудишься. Но вместе с тем принесешь нам пользу.

— Это как же? — не понял Аббас.

— Не здесь, — коротко ответил «каракал». — Узнаешь в другом месте. И не от меня, а от другого человека. Ну, пошли. А ты, женщина, не бойся! —